

УДК 34.09

*П.В. Лушников***ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЁ УЧАСТНИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматривается правовая коммуникация и отмечается, что она в первую очередь связана с правотворчеством. В данном виде коммуникации присутствуют три основных участника и посредник, но появляется новый участник – будущий адресант. В правовой коммуникации посредник играет две роли (и адресанта, и адресата), он также может выполнять функции обучения адресатов и контроля за качеством коммуникации. Особенностью правового дискурса является то, что государство играет в нем ведущую роль. Рассмотрение коммуникативных пар применительно к правовой коммуникации позволило сделать вывод, что в юридической науке недостаточно разработано взаимодействие между адресантом и адресатом. В рамках данной пары существует несколько герменевтических проблем: нахождение априорных начал понимания в рамках одного герменевтического сообщества, разрыв между правом и реальностью, трудность понимания истинных намерений законодателя и установления его подлинных замыслов, преодоление возможного неповиновения адресата приказу, который уже им понят, определение границ между толкованием и правотворчеством. Предлагаются варианты решения данных проблем, так как это необходимо для повышения эффективности правового воздействия.

Ключевые слова: правовая герменевтика, правовая коммуникация, участники правовой коммуникации, правовой дискурс, проблемы правовой герменевтики, правотворчество, толкование права.

В последние годы вырос интерес правоведов к осмыслению феномена права через призму других научных дисциплин. Одним из направлений в современной правовой науке, появившимся на стыке нескольких научных и философских направлений, стала правовая коммуникация. Теория коммуникаций получила свое существенное развитие во второй половине XX в. в результате достижений в философской герменевтике, социологии, психологии, информатике, кибернетике, лингвистике.

Под социальной коммуникацией в самом широком смысле понимают деятельность субъектов общества, направленную на выполнение ими социально значимых действий, связанных с обменом информацией [1. С. 95]. Такие социальные действия определены пространственно-временными рамками конкретной культуры. Задачами социальных коммуникаций являются создание информации, эффективные передача и получение информации, убеждение собеседника и понуждение его к действию, получение дополнительной информации о собеседнике, установление закономерностей его поведения, позитивная самопрезентация [2]. Выделяют также «стратегические» задачи коммуникации: сохранение коммуникации и коммуникативного пространства как социальной необходимости; согласование позиций и интересов участников коммуникации; обеспечение доступности, устойчивости, быстроты и качества коммуникации.

Одной из базовых составляющих теории коммуникации являются знания, полученные философской герменевтикой, которая занимается вопросами понимания как явления. В герменевтике разработали одну из базовых категорий социальной коммуникации – «герменевтический треугольник». Это элементарная схема наглядно показывает суть социальной коммуникации как последовательности взаимосвязей участников. «Вершинами» этого треугольника являются адресант (автор) – послание (текст) – адресат (читатель)¹. Треугольник предполагает, что коммуникативное взаимодействие происходит между всеми участниками. Такое взаимодействие осуществляется в разных направлениях, но как первоначальная рассматривается связь, идущая от автора через текст к читателю. С позиций герменевтики понимание происходит в результате диалога, вопрошания и получения, нахождения ответа на вопросы. В треугольнике происходит диалог между всеми участниками, а также в парах между каждым из участников (автор-текст, текст-читатель, автор-читатель).

Адресант и адресат являются активными участниками, так как они определяют цели, ход и направление коммуникации. Текст рассматривается как пассивный участник. Сущность активных участников коммуникации раскрывается через их коммуникативные характеристики: мировоззренческие представления, иерархию ценностей, жизненный опыт и уровень осведомленности; мотивы, причи-

¹ «Автор – текст – читатель» – это изначальное герменевтическое название участников. Применительно к коммуникациям используют названия «адресант – послание – адресат». Между этими двумя вариантами существует отличие, но для целей данной статьи мы будем рассматривать их как синонимы.

ны, цели, задачи участия в коммуникации; социальные роли и типичные варианты поведения; возможности (ресурсы); условия нахождения в коммуникации и т.д. В процессе коммуникации указанные характеристики формируют представление о конкретном активном участнике коммуникации – «образ участника» (образ автора, образ читателя). Взаимодействие участников осуществляется исходя из этого образа. Он может быть отражен (прямо или косвенно) в тексте, а может только подразумеваться, но от этого его значение и влияние не становятся меньше. Реальный участник и его образ могут существенно различаться.

Казалось бы, текст, который является застывшим явлением, должен рассматриваться как объект, а не как участник. Однако его субъектность и самостоятельная коммуникативная роль обусловлены языковой природой и функцией отражения. Он вбирает в себя как лингвистическую, так и экстралингвистическую составляющую. Текст является отражением объективной и субъективной реальности (предметов и явлений), он создает их видимость. Разработка послания осуществляется с использованием определенного языка. При этом язык как явление не принадлежит никому из тех, кто им пользуется, так как он имеет характер конвенции между участниками коммуникации и определяет коммуникативное поведение активных участников, границы такой коммуникации. Язык, будучи подвижной саморазвивающейся системой, не является однажды заданным. Такая система включает не только знаки и символы, но также выраженные ими социальные смыслы [3; 4]. Независимость языка, подвижность социальных смыслов и воспроизведение некоторой определенной реальности позволяет рассматривать текст как самостоятельного участника процесса коммуникации. Совокупность заложенных в тексте смыслов создает его контекст. Подвижность смыслов делает текст «открытой системой», так как никакое суждение о нем (понимание) не может считаться абсолютным, окончательно исчерпанным [4].

Очевидно, что коммуникация в социуме является более сложной, чем герменевтический треугольник, который по сути является лишь элементарной моделью. В реальности она включает в себя множество связей – взаимодействие множества адресантов со множеством адресатов с помощью множества текстов. Сложность коммуникации приводит к появлению переходных звеньев между участниками, а множественность порождает информационный шум и помехи (искажения при передаче информации).

Исходя из этого рядом философов была введена категория «герменевтическое (коммуникативное) сообщество» [5; 6]. Это устойчивое сообщество активных участников, которые уже имеют связи, предшествующие конкретной коммуникации. В нем заложены априорные начала понимания – мировоззрение, ценности, традиции, культурные коды и др. Поэтому контекст послания в герменевтическом сообществе выходит за рамки конкретного текста и обусловлен совокупностью текстов из предшествующих коммуникаций. Кроме того, на контекст влияют последующие тексты о тексте (объясняющие содержание).

Герменевтическое сообщество можно рассматривать как множество диалогов, объединенных единой тематикой, едиными языковыми средствами коммуникации. Отсюда ещё одной категорией, характеризующей такое сообщество, является «дискурс». Под дискурсом понимают язык в движении, активное использование языка в определенной сфере или тематике, с заданными смыслами, речевыми формами, системой образов и символов. Исходя из такого понимания сторонники правовой герменевтики делают вывод о дискурсивной природе права.

В сложном сообществе прямые контакты между адресантом и адресатом, как правило, не происходят. В такой системе, помимо этих ролей, появляется ещё роль посредника-транслятора, который как раз и обеспечивает общение между ними. Чем сложнее сообщество, тем больше посредников, а следовательно, и цепочка прохождения послания от адресанта к адресату.

Множество связей в сообществе приводит к тому, что информация из разных посланий начинает «конкурировать» друг с другом за важность и первоочередность восприятия – появляется так называемый «информационный шум». Эта конкуренция, а также действия трансляторов (умышленные и неумышленные) могут приводить к искажению передаваемой информации. Помехи могут влиять на адекватность формирования «образа участника», приводить к многовариантности понимания послания. Это в конечном итоге снижает устойчивость, качество и эффективность коммуникации.

Анализ феномена герменевтического сообщества позволяет сделать вывод о важности понимания при рассмотрении герменевтического треугольника парных связей между его участниками коммуникации.

Взаимодействие между адресантом и посланием связано с созданием текста. Создание текста заключается в формулировании смыслов и придания им языковых форм. В процессе творчества автор, основываясь на явлениях окружающей действительности, порождает новую реальность. С учетом этого его задача сформировать такую реальность и описать её в тексте таким образом, чтобы адресат её понял и принял. С целью обеспечения понимания послания читателем автор должен руководствоваться «образом читателя». При создании текста автор ограничен языком общения с адресатом, то есть средствами языка и смыслами, заложенными в нём. После того, как автор создал текст, он становится самостоятельным по отношению к создателю. А это значит, что автор по отношению к тексту приобретает роль читателя.

Взаимодействие между текстом и адресатом связано с процессами получения, восприятия и понимания. Текст выступает превосходящей реальностью по отношению к читателю. В процессе его восприятия эта представленная реальность становится частью читателя, включается в его миропонимание. Задача текста создать со-бытие² человека и описываемого предмета (явления) [1. С. 51-53]. Задача читателя найти ответы на вопросы, которые лежат в основе текста.

В герменевтике выделяют две основные концепции, которые объясняют то, как происходит восприятие и понимание текста читателем, – рецептивная и продуктивная. *Рецептивная* концепция предполагает, что понимание осуществляется только в рамках тех смыслов, которые заданы автором. Читатель ограничен этой заданностью и может понять текст, исходя только из содержащихся в нем смыслов. *Продуктивная* – допускает возможность дописывания и приписывания смыслов читателем. В этой концепции читатель рассматривается как соавтор. Активная роль читателя обусловлена тем, что он должен вписать полученные смыслы в свое миропонимание с использованием понятных категорий, на основе имеющихся у него смыслов. Кроме того, сотворчество обусловлено тем, что полученный смысл так или иначе апплицируется (прикладывается, применяется) к конкретной ситуации, которая может быть разделена с ситуацией создания текста временем и жизненными обстоятельствами. Все это обуславливает необходимость интерпретации, которая в свою очередь происходит в форме создания нового текста, объясняющего первичный текст (текст о тексте). При создании такого объясняющего текста читатель может «дописывать» смыслы. Текст о тексте может быть создан читателем для себя и для других. Во втором случае читатель становится транслятором смысла.

Чем старше текст, тем больше он «обрастёт» объясняющими текстами, появляется традиция (пример – Библия). Этот процесс является одним из процессов, формирующих и поддерживающих герменевтическое сообщество.

Взаимосвязь между адресантом и адресатом осуществляется вне рамок текста и характеризуется существованием ряда заданных аспектов:

- наличием устойчивых связей, по которым происходит передача посланий;
- обменом «образа участника»;
- существованием общей культуры в виде совместной картины мира (мировоззрения), которая определяет роли в коммуникации, основные смыслы и задает предварительное понимание;
- использованием понятного всем языка общения как средства передачи смыслов и сообщения коммуникативных ролей;
- наличием традиции общения, истории общения и понимания.

Герменевтика рассматривает активных участников и их взаимосвязи через призму категории «понимание». Понимание – это не только процесс мышления, направленный на постижение смыслов, но и онтологическое состояние, возникшее в результате реализации этого процесса. Состояние понимания выражает факт существования человека в социуме [4]. Коммуникация направлена на достижение состояния понимания. Оно делает индивида членом герменевтического сообщества.

² В герменевтике принято раскрывать значение слов через выявление смысла его частей, это показывается путем написания составных частей через дефис. Такое раскрытие позволяет выявить первоначальное значение слова, которое в современном языке может быть утрачено либо видоизменено. В данной тексте слово «со-бытие» приведено в первоначальном значении – «совместное бытие или существование», а не как в современном языке – значительное явление, случай, которые имеют место быть. К примеру, таким же образом в герменевтике раскрывается значение слова пред-рассудки. Общеупотребительное значение этого слова – суждение, усвоенное без критических рассуждений, могущее не соответствовать современной действительности. В герменевтике используется другой смысл, близкий к первоначальному, а именно имеющееся у адресата предварительное суждение о чем-либо.

Отношение активных участников без текста также является диалогом. Можно сказать, что в сферу взаимодействия между ними входят все взаимоотношения, которые возникают до того, как адресат начал знакомиться с текстом (предварительная связь), и все взаимоотношения, которые возникают после того, как он с ним ознакомился (последующая связь).

Предварительная связь определяет саму возможность коммуникации. Знания, полученные от герменевтического сообщества, дают его членам пред-знание (предварительное знание), которое определяет направление и правила основных коммуникаций.

Для участия в коммуникации необходимо «войти» в это сообщество и «находиться» в нем. Входение осуществляется через восприятие культуры. Нахождение в сообществе предполагает активное знакомство и взаимодействие с членами сообщества (с их образами) и создание и презентацию своего образа. В совокупности это создает предварительное понимание, которое позволяет участнику в процессе понимания находить контексты любого текста, видеть те смыслы, которые в нем на первый взгляд не присутствуют, но которые определяют ход и результаты понимания.

Последующая связь. Простое доведение информации до сведения адресата не всегда приводит к тому, что тот сможет ею воспользоваться или его дальнейшее поведение обуславливается полученными сведениями. Кроме этого, простое получение информации адресатом не гарантирует её понимание.

Во-первых, «обладание информацией не тождественно знанию» [7], поэтому для эффективности коммуникации необходимо не только передать информацию, но и создать условия для её усвоения и понимания, а в ряде случаев – проверить качество усвоения и понимания.

Во-вторых, понятая информация не всегда ведет к тому, что адресат начинает действовать в соответствии с ней. Отсюда возникает вопрос о необходимости понуждения адресата к действию или о создании для него условий для использования полученной информации.

Важным аспектом коммуникации является обратная связь от адресата к адресанту. Такая связь выступает одним из направлений взаимодействия между адресантом и адресатом. Она замыкает коммуникативную связь участников в единое целое, делает её замкнутым контуром.

Далее мы рассмотрим правовую коммуникацию, которая является одной из разновидностей социальной коммуникации.

Возникновение категории «правовая коммуникация» обусловлено тем, что право как феномен невозможно вне социальных коммуникаций. В правовой науке существует несколько понятий правовой коммуникации, все они в основном сводятся к обмену правовой информацией между субъектами [8 – 10]. Правовые коммуникации рассматривают применительно к публичному управлению, в котором право выступает управленческой регулирующей информацией. Правовая коммуникация в первую очередь связана с правотворчеством. Мы полагаем, что взаимосвязь её активных участников, осуществляемая на основе правовых текстов, хотя и является наиболее существенной, но не является единственной, поэтому категории «правовая коммуникация» и «правоотношение» не являются сходными. Это разные феномены, хотя и имеющие точки пересечения. В основе правоотношения могут быть правовые коммуникации, но правовая коммуникация может осуществляться и за рамками правоотношения.

Отметим, что с учетом того, что право является социальным феноменом, облеченным в языковую форму, правовая коммуникация сопряжена с правовым дискурсом. Н.Г. Храмцова под правовым дискурсом понимает систему, охватывающую не только правовую и языковую, но и социокультурную реальности, находящие свое выражение в информации, обслуживающей правовую сферу коммуникации, речевую деятельность этой сферы, текст и контекст (как социальный, так и ситуативный) [11]. Право имеет коммуникативную природу, формирует свое герменевтическое сообщество.

Е.А. Скворцова [12] указывает на активную роль государства в деятельности по контролю над правовым и политическим дискурсом. Оно, навязывая определенную картину мира и создавая её языковую интерпретацию, воздействует на когнитивную базу общества в области правовой и политической коммуникации. Посредством формирования официального языка осуществляется управление жизнью и сознанием людей. В современном обществе власть опирается не столько на физическое принуждение, сколько на «легитимацию силы в форме права на управление человеческим поведением посредством слова» [13]. В своей работе Е. Шейгал пришел к выводу, что обладающие властным статусом коммуниканты контролируют и ограничивают коммуникативный вклад нижестоящего участника отношения [14]. Государство обладает фундаментальным правом именовать социальные явления и процессы. «Кто называет вещи, тот овладевает ими». Государство обладает неограниченной

властью выходить на рынок идей. При этом оно создает препятствия для выхода на рынок носителей не одобряемых взглядов.

Участники правовой коммуникации имеют свои особенности и характерные черты, которые мы рассмотрим далее.

Адресант в правовой коммуникации характеризуется информационным, организационным превосходством над адресатом. Именно адресант определяет либо навязывает коммуникацию, её формы, последовательность, средства. Применительно к правовой коммуникации в сфере правотворчества задачами автора нормативно-правового акта является изучение правовой действительности, разработка текста правового предписания, утверждение, публикация, последующее отслеживание результатов реализации.

Характерными чертами адресанта правовой коммуникации является обезличенность авторов либо их множественность. Это связано с тем, что нормативно-правовой акт, как правило, разрабатывают несколько авторов, и в дальнейшем в него могут вносить изменения уже другие авторы. Так как в герменевтических сообществах связь активных участников осуществляется через посредников и в ситуации информационного шума, возникает проблема установления образа адресанта и определения его первоначальных замыслов и подлинной воли.

Адресат правовой коммуникации. Характерной чертой этого вида участника коммуникации является массовость. Массовость предполагает достаточно большой спектр характеристик. В роли адресатов правовых посланий могут выступать также коллективы и социальные группы. Задача адресата, получив правовое послание (нормативно-правовой акт), понять предписание, содержащееся в нем, выучить его и впоследствии исполнить.

В.Д. Могилевский указывает, что система оказывает сопротивление управленческому воздействию, которому она подвергается. Сопротивление системы обусловлено консерватизмом, стремлением сохранить имеющееся состояние [15]. Социальная система сопротивляется через поведение адресатов. Такое сопротивление может выражаться не только в прямом противодействии, но также в косвенном. Например, при толковании норм права в результате продуктивного понимания адресаты права могут расширять или изменять смысл правового послания в угоду своим интересам, то есть продуктивное понимание может приводить к произволу читателя.

Особенностью адресатов правовой коммуникации является и то, что в качестве адресата может выступать другой будущей адресант. Это связано с тем, что принимаемый нормативно-правовой акт адресуется не только правоприменителям и субъектам реализации права, но также тем субъектам, которые в будущем станут осуществлять правотворчество, принимать решение о том, достиг ли данный нормативный акт своей цели, существует ли необходимость его дополнить, отменить либо принять новый.

В правовой коммуникации особую роль играют посредники-трансляторы. Их субъектный состав разнообразен: в роли трансляторов может выступать большой круг субъектов, как связанных с адресатом в рамках продолжительных правоотношений (например, работодатели), так и не связанных с ним (например, правоприменители) [16; 17]. Их функции заключаются в передаче правового послания конкретным адресатам либо неограниченному кругу лиц. В правовой коммуникации на трансляторов может возлагаться функция обучения адресатов и контроля за качеством понимания правовых смыслов.

Текст правового послания выступает средством передачи правовой информации. Его задача сообщить о воле адресанта и побудить адресата к определенному поведению. Такие тексты носят авторитарный характер [18], так как предполагается их обязательность для адресатов. Они имеют очевидный трансцендентный характер, поскольку их содержание выходит за рамки конкретного правового послания. Текст нормативно-правового акта вписан в сложную выстроенную по вертикали и горизонтали структуру законодательства.

Сама идея социального управления предполагает, что управленческая информация должна быть точной и однозначно понимаемой. Однако применительно к юридическим текстам возникает проблема: как огромное множество жизненных ситуаций изложить в относительно небольшом тексте правового послания для огромного количества разных по своим характеристикам адресатов. Поэтому в ряде случаев текст правового послания делают заведомо открытым, незавершённым, допускающим возможность продуктивного понимания (соавторства и домысливания) как посредниками, так и самими адресатами.

Взаимосвязи между участниками правовых коммуникаций также имеют особенности. Отметим, что в юридической науке хорошо освещены коммуникативные связи между адресантом и текстом, – этими вопросами занимается теория правотворчества и юридическая техника. Достаточно полно изучены связи между адресатом и текстом, – это изучается в рамках теории толкования права.

Взаимосвязи между адресатом и адресантом в рамках теории государства и права, на наш взгляд, являются наименее изученными. В основном они изучаются другими науками – политологией, социологией, психологией, антропологией и др. С позиции юриспруденции эти связи некоторым образом изучаются в криминологии, юридической психологии, в философии права. Например, в криминологии есть работы, обосновывающие необходимость проведения криминологической экспертизы проектов правовых актов [19]. Такая экспертиза предполагает деятельность адресанта по изучению трансляторов и адресатов, их характеристик и поведения с целью определения наилучших способов правового регулирования.

Между тем связи этой коммуникативной пары являются по своей природе базовыми, так как включает в себя формирование мировоззрения, определение общего представления друг о друге (образы участников), закрепление правового статуса, правовое воспитание, определение форм правового воздействия и взаимодействия. Некоторые из этих связей нашли отражение в действующем законодательстве. Так, в Конституции РФ констатируется легитимность власти, обязанность подчиняться адресанту, установлена обязанность адресатов соблюдать законодательство, а следовательно, необходимость его изучения. В законодательстве предусмотрены формы обратной коммуникации: право на получение информации о деятельности адресанта, возможность обращения к адресанту и др.

Однако проведенный нами анализ данной коммуникативной пары с точки зрения герменевтики позволяет сделать вывод, что не все возможные коммуникативные взаимосвязи между ними отражены в законодательстве, например, не предусмотрена возможность разъяснения правового послания адресантом.

По сути эти связи в коммуникативной паре адресант – адресат определяют эффективность правового регулирования. В рамках взаимодействия данных участников также закладываются основы понимания и, как следствие, результаты как официального, так и неофициального толкования. Необходимо отметить, что в рамках данной коммуникативной пары возникает ряд герменевтических проблем, связанных с достижением понимания между участниками в процессе взаимодействия. Далее мы рассмотрим некоторые из них.

По мнению украинского ученого А.А. Мережко [20], одной из основных проблем юридической герменевтики является проблема идентификации тех априорных основ, которые служат фундаментом взаимопонимания и понимания в рамках определенного герменевтического сообщества, а также между разными герменевтическими сообществами.

На наш взгляд, одной из фундаментальных основ понимания норм права является «авторитет законодателя». Такой авторитет является властным ресурсом, который позволяет навязывать свою волю и добиваться необходимого поведения от подвластных без принуждения. Авторитет определяет исходные начала толкования правового текста и легитимирует использование принуждения. «Судебная интерпретация является авторитетной в том смысле, что она легитимирует использование силы против тех, кто отказывается принять или иным образом придать эффект значению, воплощенному в интерпретации» [21].

Исторический опыт показывает, что само по себе принуждение (даже основанное на авторитете) приводит к кратковременной лояльности. В то время как авторитет, основанный на убеждении и поощрении, обеспечивает долговременную лояльность.

Ещё одной герменевтической проблемой А.А. Мережко называет возможность разрыва между правом и реальностью. Если законодатель находится в мире иллюзий, наивно полагает, что для изменения реальности достаточно принять новый прогрессивный закон, возникает разрыв между официальным правом и «интуитивным» правом, которым руководствуется общество. Как отмечал в связи с этим дореволюционный российский цивилист Д.И. Мейер, главная задача законодательной власти в процессе законотворчества состоит в том, чтобы «держаться юридических воззрений народа, стараться уловить их, коммутировать; так что ближайшим образом гражданские законы, исходящие от общественной власти, должны представляться выражением тех законов, по которым, независимо от неё, происходят имущественные явления в действительности. В противном случае образуется двойственное право, право действительной жизни и право кодификационное: юридический быт не примет оп-

ределений законодательства, противоречащих его воззрениям, и будет следовать своим законам» [20]. Таким образом, для преодоления разрыва между правом и реальностью законодатель должен прислушиваться к существующим в обществе «юридическим воззрениям» и выстраивать законодательство сообразно этим воззрениям. Только таким образом можно повысить степень соблюдаемости правовых норм и уважения к правопорядку со стороны населения.

Также герменевтической проблемой является проблема понимания намерений законодателя и установления его замыслов. Дореволюционный правовед Е.В. Васьковский, рассматривая специфику юридической герменевтики, указывал на невозможность определить автора закона. Это связано с тем, что внешние источники, позволяющие определить замысел законодателя (объяснительные записки к законопроектам, архивные документы и т. д.), хотя и помогают в некоторых случаях правильно понимать смысл норм, однако знание их не может быть вменено обывателю [22].

Сложность установления замысла правового предписания вызвана ещё тем, что законодатель, как правило, является коллективным автором. При этом авторы этого коллектива могут быть разделены между собой взглядами, пространством и временем, то есть первоначальный замысел может быть со временем существенно изменен, и текст нормативно-правового акта превратиться в смысловое «лоскутное одеяло».

Представляется, что в такой ситуации процесс понимания замысла адресанта может отталкиваться от коммуникативного образа законодателя (образа адресанта), который включает в себя общественные запросы и ожидания относительно того, каким должен быть автор нормативных актов и чего он в принципе хочет, создавая текст нормативного акта, к каким социальным задачам стремится. Отчасти образ законодателя реализован в нормативной теории правопонимания через презумпцию разумности законодателя и презумпцию его справедливости. Эти презумпции основаны на ожидании того, что законотворцы преследуют благие намерения, принимают закон после изучения общественных потребностей в правовом регулировании.

Проведенные нами опросные исследования показывают, что в общественном сознании законодатель видится тем, кто обязан быть прозрачным и вездесущим, мудрым, добрым, не имеющим иных интересов, кроме общественного блага; постоянно отслеживать состояние общества и его изменения, быстро вносить изменения в действующее законодательство, устанавливая нормы поведения, соразмерные возможностям и уровню развития общества. Практика российского правотворчества показывает, что такой образ скорее желаемый, нежели реальный. Поэтому «в тех случаях, когда законодатель неправильно, частично, или, образно говоря, “плохо” воспринял реальные общественные нужды, нормативистская схема понимания начинает давать “сбой”» [23].

В этой ситуации возрастает роль правоприменителей и значение судебных и административных precedентов, а роль законодателя становится подчиненной. Данное обстоятельство, на наш взгляд, является неверным путем развития правового регулирования. Значение законодателя как основного автора права обусловлено демократическим и республиканским характером нашего государства (выборность парламента народом). По своему смыслу представительная власть, разрабатывая законопроект, имеет возможность рассмотреть ситуацию с разных точек зрения, а не только с правовой, соответственно, разработать проект для широкого круга адресатов, а не только для юристов.

Мы полагаем, что образ адресанта представляет собой смысловое начало для толкования и понимания правовых посланий. Поэтому одним из направлений взаимодействия в данной коммуникативной паре должно быть активное формирование у адресатов своего адекватного и реалистичного образа.

Процессу правотворчества должна предшествовать деятельность по изучению адресатов – для формирования их реального образа. Существует множество примеров того, как неверное определение образа адресатов приводило к росту правонарушений и снижению эффективности правового воздействия. Проблема формирования такого образа возникает в силу массовости адресатов. Но эта проблема не является неразрешимой. В настоящее время работа адресанта по изучению адресатов почти предусмотрена в законодательстве, но не имеет четкого и систематического характера. Образ адресата может формироваться через изучение всех характеристик и поведения как конкретных людей, так и через выявление латентных коллективов и устойчивых социальных групп. Как результат, накопление информации проявит общую картину герменевтического сообщества и характеристики его членов. Это позволит отслеживать динамику изменений, происходящих в нём, выстраивать прогнозы коммуникативного поведения тех или иных членов сообщества.

На наш взгляд, взаимосвязь между активными участниками правовой коммуникации должна рассматриваться исходя из существования между ними предшествующих и последующих связей. Адресант так или иначе стремится к тому, чтобы его послание было воспринято адресатом наиболее адекватно и исполнено в соответствии с замыслом. Перед автором правовых посланий встает задача – как сделать так, чтобы все его послания были поняты, а содержащиеся в них предписания исполнены. Эта задача не сводится к коммуникации в рамках одного текста, она распространяется на всё герменевтическое сообщество, связана с формированием и поддержанием правового дискурса. Одним из путей решения данной задачи является воспитание (обучение) адресатов, другим путем является преодоление их сопротивления. После доведения правового послания требуется обучение адресатов пониманию и методам исполнения предписаний. А для преодоления сопротивления и противодействия произволу читателя необходим контроль правильности понимания и применения смысла [17].

Поэтому возникает ещё одна герменевтическая проблема – как преодолеть возможное неповиновение адресата приказу, который уже им понят. Знание закона ещё не обеспечивает его правильное понимание адресатом и согласие повиноваться, то есть признавать волю адресанта и выполнять его требования. «Тот, кто не желает повиноваться приказу, уже понял этот приказ; он отказывается его выполнять именно потому, что апплицируя его к конкретной ситуации, понимает, что означало бы его выполнение» [24]. Отсюда можно сделать вывод, что в правовой коммуникации в паре адресант – адресат необходимо обеспечивать такое устойчивое состояние взаимосвязей, в котором автор правовых посланий признаётся в качестве адресанта. Он действует в рамках символов и языковых средств, понятных читателю. Читатель определён и признаёт себя адресатом, понимает смысл посланий и мотивирован на исполнение содержащихся в них правовых предписаний.

В правовой коммуникации особое значение имеют коммуникативные взаимосвязи между транслятором, адресантом и адресатом. В правовой коммуникации транслятор играет двойную роль: в отношениях с адресантом он выступает как адресат, а в отношениях с адресатом может выступать как посредник в передаче информации, а в некоторых случаях даже как адресант. Последняя роль обусловлена тем, что во взаимоотношениях с текстом он может выполнять продуктивную функцию по дописыванию первоначального текста, если наделяется правотворческими полномочиями или правом официального толкования.

В правовой коммуникации у посредника, помимо передачи информации адресату, есть ещё функции обучения и контроля за правильностью понимания. Эти функции могут совпадать, например, человек узнает о существовании нормы права только в момент привлечения его к юридической ответственности за её нарушение.

С учетом того, что транслятор может осуществлять продуктивную функцию по дописыванию смыслов правовых посланий возникает герменевтическая проблема соотношения правотворчества и толкования, которая заключается в определении границ между тем, где заканчивается толкование и начинается правотворчество. Возникает вопрос: как можно определить, насколько транслятор свободен в разработке смыслов и до какой степени он свободен [20].

На практике в процессе интерпретации текста нормативно-правового акта нередко между законодателем и правоприменителем возникает конфликт интерпретаций, заключающийся в том, что законодатель изначально стремится к максимальной однозначности текста, а правоприменитель – к интерпретации правового текста в свою пользу с учётом конкретной ситуации. В результате такого конфликта правоприменитель может дополнять или изменять смысл текста, тем самым умаляя роль законодателя, противореча и противодействуя его замыслам [25]. Искажение смысла порождает информационный шум и препятствует единообразию в правовом регулировании.

В такой ситуации, на наш взгляд, перед адресантом правового послания возникает задача: противодействовать искажению смысла посредниками-трансляторами. Рассмотрев данную задачу, мы выдвинем предположение, что такое противодействие может осуществляться через повышение контроля со стороны парламента, с помощью официального аутентичного толкования нормативных актов, через определение условий и допустимой свободы толкования правоприменителей, а также установление юридической ответственности за игнорирование или искажение смысла законов.

В завершение отметим, что применение знаний теории коммуникации и правовой герменевтики могут дать новое представление о взаимодействии участников правовой коммуникации, повысить эффективность правового воздействия, снизить затраты на воплощение в жизнь правовых предписаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синицына Л.Н. Принципы герменевтики в социологии: учебное пособие. Иркутск, 2003.
2. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. М.: Инфра-М, 2006. С. 15-16.
3. Бахтин М.М. Проблема текста // Собрание сочинений. Т. 5. М., 1997.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
5. Апель К.О. Трансформация философии. М., 2001.
6. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 27-36.
7. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994. С. 151.
8. Макушина Е.Б. Правовая коммуникация как феномен права и общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 9, № 1.
9. Усманова Е.Ф. Значение и роль правовой коммуникации в правотворческом процессе // Инновационная наука. 2015. № 12.
10. Малько А.В. Двоичность юридической информации и язык законодательства // Правоведение. 1993. № 1. С. 81.
11. Храмцова Н.Г. Правовой дискурс в теории права // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 80-84.
12. Скворцова Е.А. Правовой и политический контроль над дискурсом. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/theory/article21.htm>
13. Марков Б.В. Философия и аргументация // Речевое общение и аргументация. Вып. 1. СПб.: Экополис и культура, 1993. С. 93. Цит. по: Скворцова Е.А. Правовой и политический контроль над дискурсом. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/theory/article21.htm>
14. Шейгал Е. Власть как концепт и категория дискурса. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php. Цит. по: Скворцова Е.А. Правовой и политический контроль над дискурсом. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/theory/article21.htm>
15. Могилевский В.Д. Методология систем М.: Экономика, 1999. С. 40.
16. Амельченко М.Н. Герменевтика трудового права России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.
17. Быков В.В. Полисубъектный состав межчеловеческой интеракции (герменевтическая проблема власти приказа) // Вестник Омск. ун-та. 2004. № 3. С. 91.
18. Рябова Л.В. Некоторые аспекты проблемы интерпретации текста. Ростов/н Д., 1983. С. 15-16.
19. Пинчук Л.В. Криминологическая экспертиза законопроектов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
20. Мережко А.А. Юридическая герменевтика и методология права // Проблеми філософії права. Київ, 2003. Т. 1. С. 161-162. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Pfp/2003_1/159%20Merezhko.pdf
21. Соболева А.К. Топическая юриспруденция. М., 2001. С. 68.
22. Васильевский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. Цит. по: Васюк А.В. История возникновения и развития юридической герменевтики в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 112-113.
23. Гаврилов Д.А. Правоприменительное толкование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 27-28.
24. Голик Ю.В., Энгвер Н.Н. Герменевтика: юридический и филологический аспекты // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 153-174.
25. Суслов В.А. Герменевтика права // Правоведение. 2001. № 5. С. 4-12.

Поступила в редакцию 14.04.2019

Лушников Павел Викторович, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: ems@udm.ru

P.V. Lushnikov

LEGAL COMMUNICATION AND ITS PARTICIPANTS

The article discusses legal communication and notes that it is primarily associated with lawmaking. In this type of communication, there are three main participants and an intermediary, but a new participant appears – a future addresser. In legal communication, an intermediary plays two roles (both an addresser and an addressee), it can also perform the functions of training addressees and controlling the quality of communication. The peculiarity of legal discourse is that the state plays a leading role in it. Consideration of communicative pairs with regard to legal communication led to the conclusion that in legal science the interaction between the addresser and the addressee is not sufficiently developed. Within this pair, there are several hermeneutic problems: finding a priori principles of understanding within a

single hermeneutic community, the gap between law and reality, difficulty of understanding the true intentions of the legislator and establishing his true intentions, overcoming the addressee's possible disobedience to an order that he already understood, defining boundaries between interpretation and lawmaking. The author proposes solutions to these problems, as it is necessary to increase the effectiveness of legal impact.

Keywords: legal hermeneutics, legal communication, participants of legal communication, legal discourse, problems of legal hermeneutics, law-making, interpretation of law.

Received 14.04.2019

Lushnikov P.V., Senior lecturer of the Department of Theory and history of state and law
Institute of law, social management and security
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: ems@udm.ru